

Н. Долинина

Небо Аустерлица

На военный совет перед Аустерлицким сражением собрались все начальники колонн, «за исключением князя Багратиона, который отказался приехать». Толстой не объясняет причин, побудивших Багратиона не явиться на совет, они и так ясны. Понимая неизбежность поражения, Багратион не хотел участвовать в бессмысленном военном совете.

Но остальные русские и австрийские генералы полны той же беспричинной надежды на победу, которая охватила всю армию. Только Кутузов сидит на совете недовольный, не разделяя общего настроения.

Австрийский генерал Вейротер, в чьи руки отдано полное распоряжение будущим сражением, составил длинную и сложную диспозицию — план предстоящего боя. Вейротер взволнован, оживлен. «Он был как запряженная лошадь, разбежавшаяся с возом под гору. Он ли вез или его гнало, он не знал; но он несся во всю возможную быстроту, не имея времени уже обсуждать того, к чему поведет это движение».

Позднее, во время боя, когда начнется паника, русские солдаты станут проклинать австрийцев, считая их трусами и изменниками, но это будет несправедливо.

Вейротер не трус и не изменник: он ждал этого дня, как князь Андрей — своего Тулона. Он не думает ни о чем, кроме боя, верит в победу, убежден в своей правоте и не жалеет сил, чтобы доказать ее.

На военном совете каждый из генералов убежден в своей правоте. Все они так же озабочены самоутверждением, как юнкер Ростов в квартире Друбецкого. Вейротер читает свою диспозицию, французский эмигрант Ланжерон возражает ему — возражает справедливо, но «цель этих возражений состояла преимущественно в желании дать почувствовать генералу Вейротеру... что он имел дело не с одними дураками, а с людьми, которые могли и его поучить в военном деле».

На совете происходит столкновение не мнений, а самолюбий. Генералы, каждый из которых убежден в своей правоте, не могут ни сговориться между собой, ни уступить один другому. Казалось бы, естественная человеческая слабость, но принесет она большую беду, потому что никто не хочет видеть и слышать правду.

Поэтому бессмысленна попытка князя Андрея выразить свои сомнения. Поэтому Кутузов на совете не притворялся — «он действительно спал», с усилием открывая свой единственный глаз «на звук голоса Вейротера». Поэтому в конце совета он коротко сказал, что диспозиция уже не может быть отменена, и отослал всех.

Понятно недоумение князя Андрея. Его ум и уже накопленный военный опыт подсказывают: быть беде. Но почему Кутузов не высказал своего мнения царю? «Неужели из-за придворных и личных соображений должно рисковать десятками тысяч и моей, *моей* жизнью?» — думает князь Андрей.

В нем говорит сейчас то же чувство, с которым Николай Ростов в Шенграбенской битве бежал к кустам: «Убить меня? *Меня*, кого так любят все!»

Но разрешаются эти мысли и чувства князя Андрея иначе, чем у Ростова: он не только не бежит от опасности, но идет к ней навстречу: «Завтра, может быть, все будет кончено для меня... Завтра же, может быть, — даже наверное завтра, я это предчувствую, в первый раз мне придется, наконец, показать все то, что я смогу сделать».

А в самом деле, разве молодой, полный сил, талантливый человек должен рисковать своей жизнью потому, что генерал союзной армии составил неудачный план сражения или потому, что русский царь молод, самолюбив и плохо понимает военную науку? Может,

на самом-то деле вовсе не нужно князю Андрею идти в бой, обреченность которого ему уже ясна, а нужно побереечь себя, свою жизнь, свою личность?

Мы уже говорили о том, что князь Андрей не мог бы жить, если бы перестал уважать себя, если бы унизил свое достоинство. Но, кроме того, в нем есть тщеславие, в нем живет еще мальчик, юноша, который перед сражением заносится мечтами далеко: «И вот та счастливая минута, тот Тулон, которого так долго ждал он... Он твердо и ясно говорит свое мнение... Все поражены... и вот он берет полк, дивизию... Следующее сражение выиграно им одним. Кутузов сменяется, назначается он...»

Четверть века назад статный красавец князь Николай Болконский под Чесмой или Измаилом мечтал о том, как наступает решительный час, Потемкин сменяется, назначается он...

А через пятнадцать лет худенький мальчик с тонкой шеей, сын князя Андрея, увидит во сне войско, впереди которого он идет рядом с отцом, и, проснувшись, даст себе клятву: «Все узнают, все полюбят меня, все восхитятся мною... я сделаю то, чем бы даже он был доволен...» (Он — это отец, князь Андрей.)

Болконские тщеславны, но мечты их — не о наградах: «Хочу славы, хочу быть известным людям, хочу быть любимым ими...» — думает князь Андрей перед Аустерлицем.

А люди не знают, что князь Андрей готов совершить для них, ради их любви. Мечты его прерываются голосами солдат:

«— Тит, а Тит?

— Ну, — отвечал старик.

— Тит, ступай молотить...

— Тьфу, ну те к черту...»

У солдат идет своя жизнь — с шутками, с горестями, и нет им дела до князя Андрея, но он все равно хочет быть любимым ими.

Ростов, влюбленный в царя, мечтает о своем: встретить обожаемого императора, доказать ему свою преданность. Но встречает он Багратиона и вызывается проверить, стоят ли французские стрелки там, где вчера стояли. «Багратион закричал ему с горы, чтобы он не ездил дальше ручья, но Ростов сделал вид, как будто не слышал его слов, и, не останавливаясь, ехал дальше и дальше...» Над ним жужжат пули, в тумане раздаются выстрелы, но в душе его уже нет страха, владевшего им при Шенграбене.

Так прошла ночь перед сражением — каждый думал о своем. Но вот наступило утро, и двинулись войска, и, несмотря на то, что вышли солдаты в веселом настроении, внезапно и необъяснимо «по рядам пронеслось неприятное сознание совершающегося беспорядка и бестолковщины». Возникло оно потому, что это сознание было у офицеров и передано солдатам, а офицеры вынесли это сознание бестолковщины из вчерашнего военного совета. Так начало осуществляться то, что предвидел Кутузов.

Но в ту самую минуту, когда русскими войсками овладело уныние, появился император Александр со свитой: «Как будто через растворенное окно вдруг пахнуло свежим полевым воздухом в душную комнату, так пахнуло на невеселый кутузовской штаб молодостью, энергией и уверенностью в успехе от этой прискакавшей блестящей молодежи». Все оживились, кроме Кутузова.

«Он принял вид подначальственного, нерассуждающего человека» и говорил с императором, «почтительно нагнув голову», но он еще пытался медлить, пытался предотвратить неминуемое.

«— Что ж вы не начинаете, Михаил Ларионович? — поспешно обратился император Александр к Кутузову...

— Я поджидаю, ваше величество... Не все колонны еще собрались, ваше величество...

— Ведь мы не на Царицыном Лугу, Михаил Ларионович, где не начинают парада, пока не придут все полки, — сказал государь...

— Потому и не начинаю, государь, – сказал звучным голосом Кутузов, как бы предупреждая возможность не быть расслышанным, и в лице его еще раз что-то дрогнуло. – Потому и не начинаю, государь, что мы не на параде и не на Царицыном Лугу, – выговорил он ясно и отчетливо».

Так говорить с царем нельзя. Кутузов знает это, и вся свита знает: «на всех лицах... выразился ропот и упрек». Но это последняя попытка Кутузова предотвратить то, что сейчас произойдет.

Так кто же виноват в поражении под Аустерлицем? Царь Александр I, не умеющий различить парад и войну, взявшийся руководить боем, не понимая в военном деле? Да, конечно, царь виноват прежде и больше всех. Но легче всего свалить вину за все ошибки и неудачи на государственных деятелей. На самом же деле за все, что происходит, отвечаем мы все — люди, и ответственность наша не меньше от того, что царь или полководец виноват больше нашего.

Как грядущая победа в Отечественной войне 1812 года будет вовсе не победой Александра I — как бы высоко ни вознесся памятник ему на Дворцовой площади в Петербурге, — это победа всего нашего народа; так же позор Аустерлица был позором не только для царя. Кутузов знает это, и Болконский знает, каждый из них стремится, сколько может, избавить себя от предстоящих мучений совести...

Но царь молча смотрит в глаза Кутузову, и молчание затягивается, и Кутузов знает, что он не властен изменить желание царя.

«— Впрочем, если прикажете, ваше величество, – сказал Кутузов, поднимая голову и снова изменяя тон на прежний тон тупого, нерассуждающего, но повинующегося генерала.

Он тронул лошадь и, подозвав к себе начальника колонны Милорадовича, передал ему приказание к наступлению».

Все, что произошло дальше, свершилось быстро. Не успели русские войска пройти полверсты, как столкнулись с французами. «Все лица вдруг изменились, и на всех выразился ужас. Французов предполагали за две версты от нас, а они явились вдруг неожиданно перед нами».

Князь Андрей, увидев это, понял, что наступил его час. Он подъехал к Кутузову... «Но в тот же миг все застлалось дымом, раздалась близкая стрельба, и наивно испуганный голос в двух шагах от князя Андрея закричал: «Ну, братцы, шабаш!» И как будто голос этот был команда. По этому голосу все бросились бежать».

Бегство было так страшно, так чудовищно, что даже Кутузов — единственный человек, еще вчера понимавший обреченность русских и австрийцев в этом сражении, — даже Кутузов был потрясен.

«Несвицкий, с озлобленным видом, красный и на себя непохожий, кричал Кутузову, что ежели он не уедет сейчас, он будет взят в плен наверное. Кутузов стоял на том же месте и, не отвечая, доставал платок. Из щеки его текла кровь. Князь Андрей протеснился до него.

— Вы ранены? – спросил он, едва удерживая дрожание нижней челюсти.

— Рана не здесь, а вот где! – сказал Кутузов, прижимая платок к раненой щеке и указывая на бегущих.

— Остановите же их! – крикнул он и в то же время, вероятно убедясь, что невозможно было их остановить, ударил лошадь и поехал вправо.

Вновь нахлынувшая толпа бегущих захватила его с собой и повлекла назад».

Среди полного безумия, охватившего всех, князь Андрей Болконский делает то, что задумал еще перед боем.

«— Ребята, вперед! – крикнул он детски-пронзительно.

«Вот оно!» – думал князь Андрей, схватив древко знамени и с наслаждением слыша свист пуль, очевидно направленных именно против него. Несколько солдат упало.

— Ура! — закричал князь Андрей, едва удерживая в руках тяжелое знамя, и побежал вперед с несомненной уверенностью, что весь батальон побежит за ним.

И действительно, он пробежал один только несколько шагов».

Подвиг князя Андрея не мог изменить хода сражения. Когда молодой Наполеон Бонапарт взбежал со знаменем на Аркольский мост, за ним шли солдаты, только на мгновение заколебавшиеся. При Аустерлице дело было не в минутном колебании — исход боя был предрешен.

Может быть, князь Андрей даже и понимал это, бросаясь вперед со знаменем в руках. Он ведь еще вчера думал, что этот день принесет ему гибель. Но он не мог поступить иначе: единственный способ избавиться от стыда, от своего личного позора был для него в том, чтобы остаться честным и мужественным, когда все бегут.

Кутузов понял это. Позже, когда все кончилось, он писал отцу князя Андрея: «Ваш сын, в моих глазах... с знаменем в руках, впереди полка пал героем, достойным своего отца и своего отечества».

Описывая подвиг князя Андрея, Толстой не произнесет ни одного возвышенного слова — эти слова возникнут только в письме Кутузова, от его лица. А сам автор пишет о происходящем нарочито просто, подчеркивая тяжесть знамени, которое князю Андрею так трудно удержать, что в конце концов он уже бежал, «волоча его за древко», и ранение князя Андрея происходит вовсе не величественно: «Как бы со всего размаха крепкою палкой кто-то из ближайших солдат, как ему показалось, ударил его в голову».

Это — война, как ее видит Толстой, с кровью и грязью, с болью и страданиями; война без прикрас; и самого благородного, возвышенного человека она грубо бьет, как палкой, он падает на спину и ничего уже не видит над собой, «кроме неба, — высокого неба, не ясного, но все-таки неизмеримо высокого, с тихо ползущими по нем серыми облаками».

А на правом фланге Багратион делает в это время то, что не удалось сделать Кутузову вблизи царя, — оттягивает время, чтобы сохранить свой отряд. Он посылает Ростова найти Кутузова (а Николай мечтает — царя) и спросить, пора ли вступать в бой правому флангу. Багратион надеялся, что посланный вернется не раньше вечера...

До сих пор мы видели битву глазами князя Андрея, который с горечью понимал, что происходило перед ним. Теперь Толстой передает наблюдательную позицию ничего не понимающему, восторженному Ростову.

Отправившись разыскивать Кутузова «в том расположении духа, в котором все кажется легко, весело и возможно», он и представить себе не мог, что на левом фланге все бегут. Он «ничего не мог ни понять, ни разобрать из того, что делалось», и поддерживал в себе бодрость одной мыслью, очень для него характерной: «Уж как это там будет, не знаю, а все будет хорошо!»

Навстречу ему скачут кавалеристы — в атаку на французов, и Борис Друбецкой встречается ему, счастливо оживленный участием в атаке... И Берг останавливает Ростова фантастически нелепым рассказом о том, как он, раненный в правую руку, взял шпагу в левую: «В нашей породе фон Бергов, граф, все были рыцари...»

Но Ростов уже чувствует безумие происходящего. Как ни мало он опытен, но, услышав «впереди себя и позади наших войск... близкую ружейную стрельбу», думает: «Неприятель в тылу наших войск? Не может быть...»

Вот здесь-то в Ростове просыпается мужество. «Что бы это ни было, однако, — подумал он, — теперь уже нечего объезжать. Я должен искать главнокомандующего здесь, и *ежели все погибло, то и мое дело погибнуть со всеми вместе*».

Не знает князь Андрей, лежащий под высоким небом, что хвастливый юнкер, так раздражавший его своими рассказами, пришел к тем же мыслям, какие заставили его выйти вперед со знаменем.

«Ростов задумался и поехал именно по тому направлению, где ему говорили, что убьют».

Ему жалко себя — как было жалко при Шенграбене. Он думает о матери, вспоминает ее последнее письмо и жалеет себя за нее... Но все это — иначе, не так, как было при Шенграбене, потому что он научился, слыша свой страх, не слушаться его. Он все едет вперед, «уж не надеясь найти кого-нибудь, но для того только, чтобы перед самим собою очистить свою совесть», и внезапно видит своего обожаемого императора — одного, среди пустого поля, и не осмеливается подъехать, обратиться, помочь, показать свою преданность. Да и в самом деле, о чем теперь спрашивать, когда день идет к вечеру, армия разбита, и только отряд Багратиона сохранен благодаря разумной хитрости его командующего.

В эту горькую минуту Ростов встречает повозки Кутузова. Как давно, кажется, (вчера!) князь Андрей встретил тех же солдат и услышал тот же разговор:

«— Тит, а Тит! — сказал берейтор.

— Чего? — рассеянно отвечал старик.

— Тит! Ступай молотить.

— Э, дурак, тьфу! — сердито плюнув, сказал старик. Прошло несколько времени молчаливого движения, и повторилась опять та же шутка».

Зачем Толстой дважды — перед началом боя и в конце его — повторяет нелепую шутку кутузовского кучера? Затем ли, чтобы показать, как далека от солдат эта война, на которой они гибнут, не понимая ее смысла? Или — потому, что, пока люди живы, они сохраняют способность шутить? Или есть у него еще какая-то цель? Не берусь ответить решительно, но такой грустью веет от этой тупой шутки...

И сразу следом за ней — короткий рассказ о том, как, оттеснив русских солдат на покрытые льдом пруды, французы начали стрелять по льду; солдаты гибли под ядрами и тонули; в воду рушились люди, лошади, пушки; среди всего этого метался Долохов, первым прыгнувший на лед...

Так кончилась битва при Аустерлице. Кутузов был прав, но никто не признает его правоты после сражения, как никто не слушал старого полководца накануне.

Все вернутся к своим делам — все, кроме князя Андрея, истекающего кровью на Праценской горе с древком в руках (знамя взято французами).

Здесь, на Праценской горе, почти в бреду, князь Андрей переживет минуты, которые во многом изменят его жизнь, определят все его будущее. Он услышит голоса и поймет французскую фразу, сказанную над ним: «Voilà tine belle mort!» — «Вот прекрасная смерть!»

«Князь Андрей понял, что это было сказано о нем и что говорит это Наполеон... Он знал, что это был Наполеон — его герой, но в эту минуту Наполеон казался ему столь маленьким, ничтожным человеком в сравнении с тем, что происходило между его душой и этим высоким бесконечным небом с бегущими по нем облаками...»

Что же понял князь Андрей на поле Аустерлица? Нет, он не пришел к богу, как мечтала сестра, княжна Марья, надевая на него образок, отнятый, а теперь, после разговора с Наполеоном, возвращенный французскими солдатами. Вера княжны Марьи кажется князю Андрею слишком ясной и простой, все на самом деле сложнее. Но одно он понял под высоким и добрым небом: прежние стремления к славе, к любви людской суетны и потому ничтожны. Что-то другое должен человек искать в жизни, но что?